

Алексей Овчинников

Дачи и дачники

Алексей Адрианович Овчинников

Дачи и дачники

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9749745
Дачи и дачники. / А. Овчинников: БИБЛИОГЛОБУС; Москва; 2014
ISBN 978-5-906454-65-2

Аннотация

В этой книге автор, выросший и много лет проживший на старой даче в подмосковном дачном поселке, рассказал о некоторых из известных ему жизненных коллизий, порой радостных, порой трагичных, случившихся за последнее столетие среди окружающих его дачников и их дач. Все эти повествования основаны на реальных событиях, хотя не всегда соответствуют конкретным прототипам героев. Книга рассчитана на широкий круг читателей, особенно на тех из них, кто интересуется историей Подмосковья и имеет собственный опыт дачной жизни.

Содержание

Пролог	6
Часть I. Композитор Павленко и его семья	8
Глава 1. Дача композитора	8
Глава 2. Семья композитора	10
Глава 3. Ольга Георгиевна Магелланова	12
Часть II. Профессора Сретенский и Подзинский	15
Глава 1. Начало дачной жизни	15
Глава 2. Первая Мировая война. Гибель сына Подзинских	18
Глава 3. Большевистский переворот. Пожар дачи Подзинских	19
Глава 4. Хорошо было жить на даче в мирное время	20
Глава 5. Несчастье в семье Сретенских	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Овчинников

Дачи и дачники

От автора. Дачей в нашей стране называют загородный дом, принадлежащий человеку, основное жилище которого находится в городе. Дачи не надо путать с загородными домами и имениями, в которых жили богатые люди прошлого, а также с виллами, в которых постоянно живут богатые люди нашего времени. Дачи бывают разные – крохотные, куда еле влезает раскладушка и небольшой столик с табуреткой, просто маленькие и большие, и даже огромные, многоэтажные с лифтами и глубокими подвалами, в которых устроены бильярдные, сауны, бассейны и гаражи на несколько машин. Впрочем, все эти приятные и полезные помещения могут размещаться как в самом дачном доме, так и в отдельных строениях рядом с ним.

Дачи бывают деревянные и каменные, летние и зимние, с уборными и умывальниками на улице и с роскошными ванными и туалетами в доме и даже при каждой спальне; с деревянными печками и каминами или вообще без них, а также с центральным отоплением – газовым, угольным, на солярке, на электричестве и даже на солнечных батареях. В некоторых дачах имеются одно или два маленьких окошечка, защищенных решетками, сетками или ставнями, а в других – огромные зеркальные окна, с современными многослойными стеклами и рамами из пластика и дерева. Нередко в дачи превращают и старые деревенские избы, в которых когда-то жили крестьяне, занимавшиеся сельским хозяйством. Но последних становится все меньше и меньше, особенно в центральных областях нашей страны, и их дома покупают под дачи люди из города. Отличительной особенностью таких дач, выделяющей их из ряда стоящих вдоль деревенской улицы избышек, как правило, является пристроенная к дому открытая или застекленная веранда, на которой в летнее время дачники обедают или пьют чай.

На некоторые дачи приезжают одинокие люди, в других собираются семьями, иногда держат многочисленную прислугу и охрану. Одни хозяева добираются до своих дач на электричках и автобусах, а затем топают пешком 3–4 километра и больше, нередко привозят с собой своих любимцев – собак, кошек и птичек. Другие прибывают на разнокалиберных автомобилях, на скоростных катерах (если дача стоит на берегу реки или водохранилища) и даже на вертолетах. А там их встречают охранники, садовники, кухарки, повара и прочая прислуга, а также собаки – боевые и сторожевые. Дача может находиться в поле, в лесу, на комарином болоте, на берегу реки или озера, а иногда и у моря или океана. Часто дачи объединяются в дачные поселки с крохотными участочками в шесть соток. По старой советской привычке, а отчасти из экономии газовых и электрических коммуникаций даже большие каменные дачи строят порой так близко одна от другой, что соседи могут заглядывать в окна друг к другу. Реже огромные дачи находятся в центре обширной территории, занимающей много соток, а иногда и целые гектары полей и лесов. Маленькие участки, как правило, отделены один от другого хлипкими заборами из гниловатых досок или ржавых сеток. Большие, особенно гигантские, дачи могут быть защищены металлическими, кирпичными или бетонными оградами, иногда с колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток (хотя это и запрещено).

Разнообразие дач в нашей стране огромно: изредка сохранившиеся старинные постройки конца позапрошлого века, просто старые (начала двадцатого века и советского времени) и современные, когда все ограничения на размеры дачных домов, окружающих их участков и способов их охраны ушли в прошлое. Объединяет все дачи одно – желание их владельцев хотя бы на короткое время выбраться из душного, забитого людьми, гастарбайтерами, бандитами и автомобилями города и провести свое свободное время поближе

к природе или к тому, что от нее осталось. Разница зависит от благосостояния владельцев дач и их возможностей.

За свою долгую жизнь, значительная часть которой прошла на старой даче, принадлежавшей сначала моему деду, а потом и мне, я видел самые разные дачные дома, построенные собственными руками их владельцев или специальными строительными фирмами, и был знаком с множеством дачников, среди которых встречались неутомимые труженики, усердные огородники и садоводы, страстные рыболовы и грибники, активные спортсмены – лыжники, теннисисты, любители дачного волейбола, водных лыж, пеших и велосипедных прогулок. Встречал я работающих на отдыхе композиторов, музыкантов, художников, писателей и просто любознательных людей, проводящих свое дачное время в креслах и на диванах, в гамаках и на раскладушках в саду за книгами и компьютерами. Попадались мне и просто лентяи, и любители потрешать языком, большей частью толстобрюхие пожиратели несметного количества шашлыков, пива и спиртных напитков, а также упертые солнцепоклонники, не покидающие своих лежаков и подстилок на полянках и на берегах водоемов, старающиеся ухватить побольше скупого среднерусского солнышка. Жизнь знакомых мне дачников, среди которых были и скромные, но очень достойные люди, и знаменитые на всю страну ученые, артисты, музыканты, поэты и писатели, и талантливые бизнесмены и руководители, а также не очень хорошие или совсем плохие личности (с такими я старался не вступать в дружеские отношения) была столь же различна, как и судьба их дач.

В этой книге я попытался рассказать о некоторых из известных мне жизненных коллизий, порой радостных, порой трагичных, случившихся за последнее столетие среди окружающих меня дачников и их дач. Надеюсь, что кого-нибудь мои рассказы заинтересуют, не исключая, что другим они покажутся скучноватыми и даже неприятными. Но все они основаны на реальных событиях, хотя эти события не всегда соответствуют конкретным прототипам моих героев. Хочу предупредить, что все имена и фамилии действующих лиц этих историй и места их действия мною сознательно изменены. Поэтому я прошу уважаемых читателей не проводить аналогий со знакомыми им лицами.

Пролог

В восьмидесятых годах XIX столетия в небольшом поселке Дютьково в пятидесяти верстах к юго-западу от Москвы и в нескольких верстах от исторического уездного города Звенигорода, вблизи древнего Саввино-Сторожевского монастыря, построенного учеником Сергия Радонежского монахом Саввой с помощью звенигородского князя Юрия Дмитриевича, жил богатый купец, торговавший строительным лесом. В молодости он был курчавый и черноволосый, с окладистой черной бородой (в нем была примесь цыганской крови). Звали его Тихоном Канунниковым. В самом конце XVIII века он выкупил у последней владелицы усадьбы «Поречье» Н.И.Несвицкой около 30 десятин лесного склона, заросшего старыми елями и соснами и более молодыми березами и осинами, на высоком берегу мелкой еще в этом месте главной московской реки. Предвидя нарастающий дачный бум, достигший апогея в начале следующего века, купец нанял бригаду плотников и построил на этой земле пять больших бревенчатых двухэтажных дачных домов и четыре одноэтажные дачи поменьше. Сам он жил в приземистом обширном поместье, окруженным густым смешанным лесом, который полностью закрывал его от посторонних взглядов.

Жена его Пелагея Васильевна была женщиной среднего возраста, лет на семь моложе своего супруга, с которым она прожила более двадцати лет, но не смогла родить ему ни одного ребенка. Купец, мечтавший о сыне-наследнике, в молодости слыл страшным ловеласом, не пропускавшим ни одной более или менее привлекательной женской мордашки, начиная от своих работниц и кончая соседками из поселка. При этом он становился по отношению к своей законной супруге все более и более грубым и, в конце концов, женщина, потерявшая надежду удовлетворить желание мужа и уставшая от его многочисленных измен, повесилась в их общей спальне. Как рассказывают старые люди в поселке, перед смертью она оставила письмо, в котором прокляла своего жестокого супруга и все его имущество. Она прокляла и всех людей, которые купили или взяли в наем построенные Канунниковым дачи и дачные участки. Прокляла она и все дома, который Канунников мог бы построить в будущем.

Купец горевал недолго и, похоронив свою бывшую супругу, вскоре женился на красивой двадцатилетней девице из соседнего уездного города. Не желая жить в доме, где повесилась его первая жена, он в течение года построил из отменных сосновых бревен новый двухэтажный дом на том же склоне, недалеко от своего старого жилища, а последнее выставил на продажу. Поселившись с молодой женой в новом доме, купец надеялся, что уж теперь его красавица супруга обязательно принесет ему желанного наследника. Однако и здесь он потерпел фиаско. К старости купец поседел и стал очень ревнивым. Через несколько лет после свадьбы, не дождавись ребенка и заподозрив свою молодую жену в измене, он задушил её в бетонном подвале недавно выстроенного дома, решив там же и закопать её тело. Всю одежду и все личные вещи молодой женщины он сжег в печке. Родителям своей второй жены он сказал, что она сбежала от него с проезжим офицером. Но свояченица купца, старшая сестра его жены, не поверила этой версии и обратилась в полицию уездного города. Для расследования этого преступления пригласили опытного столичного сыщика, который при обыске дома обнаружил свежее пятно бетона в темном углу подвала. Бетон разбили и труп женщины нашли. Позже его похоронили на местном кладбище. Канунников во всем признался и был осужден на вечную каторгу в одном из сибирских рудников. Там он и погиб через несколько лет. Дом отошел по наследству сестре убиенной женщины, но она не хотела жить там, где страшной смертью погибла ее любимая сестра, и тоже выставила проклятый дом и землю вокруг него на продажу.

К этому времени от Брестской (затем Белорусской) линии железной дороги, по которой поезда достигали западной границы Империи, проложили железнодорожную ветку немного не доходившую до уездного города и поезда стали останавливаться на станции у села Введенское, находившегося в тридцати минутах ходьбы от всех домов, построенных Канунниковым. По железной дороге 2–3 раза в день ходили пассажирские поезда из 5–6 вагонов. Паровик шёл, не торопясь, долго стоял на станциях, ожидая встречного состава – ветка вначале была одноколейной. По рассказам старожиллов, весь путь от Москвы занимал около 3 часов. Пассажиров было немного и отношения между ними и железнодорожниками складывались поистине патриархальные. В середине пятидесятых годов железную дорогу электрифицировали и современные электрички находятся в пути немногим более часа, отправляясь с Белорусского вокзала 10–12 раз в день.

Часть I. Композитор Павленко и его семья

Глава 1. Дача композитора

Старый купеческий дом, построенный в конце XIX века, с большим лесистым участком площадью немногим менее двух десятин купил у Канунникова еще до его ареста и суда местный священник Бухарев, у которого была незамужняя дочь. О его жизни в проклятом доме имеется очень мало сведений. После революции, когда началось гонение на церковь, священник в 1922 году был арестован большевиками и сослан на Соловки, куда в те годы отправляли большую часть священнослужителей. *Он оказался первой жертвой проклятия, наложенного покойной супругой Канунникова на принадлежащую ему недвижимость и на тех, кто в ней проживает.* Перед своим исчезновением, как говорит легенда, он собрал все свои драгоценности, положил их в большую вазу с ручками в виде двух нимф и закопал где-то на своем участке. Все последующие хозяева дачи предпринимали неоднократные попытки найти этот клад, но безрезультатно. Дом перешел по наследству к дочери Бухарева, но довольно скоро был экспроприирован советской властью и несколько лет в нем была детская колония.

В 1936 году этот дом, вернее то, что от него осталось, приобрел уже известный в то время композитор Павленко, профессор консерватории, автор нескольких симфоний, опер и балетов, а также музыки к кинофильмам. За сюиту из одного из своих балетов композитор получил Сталинскую премию, а в начале тридцатых годов он был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств. Написав музыку к чрезвычайно популярному в те годы кинофильму, он получил приличный гонорар и на эти деньги купил и отремонтировал старый дом.

Дача, купленная композитором, требовала не только капитального ремонта, но и существенной перестройки. Пришлось заменить крышу, расширить окна, обновить террасу. Во время замены пола последние купленные доски оказались длиннее старых и их решили не укорачивать, а продлить пол террасы, сделав на ее выходе в сад нечто вроде открытого балкона, с которого в обе стороны спускались широкие лестницы с перилами из точеных балясин. А на крыше веранды устроили небольшую огороженную площадку, напоминающую капитанский мостик, с которой через несколько прореженный сад была видна долина реки и возвышенности на ее противоположном берегу. Из этого балкончика дверь вела в небольшую мансарду, в которую поднимались по узкой лестнице из одной из комнат. В доме были перепланированы и расширены некоторые помещения, в которых заменили полы и покрыли морилкой стены и потолки. Сделали кафельные печи, придавшие комнатам нарядный и уютный вид. В кабинете композитора, где он писал музыку, поставили отличный немецкий рояль фирмы «Бехштейн». Дом покрасили в желтоватый цвет с золотистым оттенком, придавший ему вид старинной усадьбы. Жена композитора принимала непосредственное участие в разработке проекта и перестройке дома. Для приема часто приезжающих гостей она велела построить в углу сада небольшой деревянный гостевой домик с комнатой под высокой крышей, в котором ночевали и жили приятели, знакомые и ученики знаменитого композитора.

Единственно, что омрачало жизнь семьи – это периодическое появление в слабоосвещенном подвале дома фигуры неизвестной женщины, закутанной в белое покрывало, под которым в свете свечи можно было разглядеть искаженное лицо синего цвета с открытым ртом и вывалившимся языком. Эту ужасную фигуру видели многие, но чаще всего она являлась кухарке, которая нередко спускались в подвал за хранившимися там продуктами. Однажды ее увидела и жена композитора. Поднявшись в ужасе по узенькой лестнице, она с трудом добралась до постели. Мужу пришлось отпаивать ее сердечными каплями. А кухарка

трижды в разные часы, увидев страшное привидение, больше спускаться в подвал отказалась и вскоре попросила расчета у хозяев проклятого дома. Тогда композитор привез из Москвы одного из немногих оставшихся на свободе священников, и тот, осветив подвал множеством свечей, окропил пол, стены и все углы святой водой. Вскоре в подвал было проведено электричество. После этого привидение там не появлялось. Однако, композитору во время игры на рояле несколько раз по вечерам слышались какие-то хриплые завывания. Но, скорее всего, это был ветер, шумевший в печных трубах.

Глава 2. Семья композитора

Семейная жизнь композитора Павленко была довольно сложной. Первый его брак оказался неудачным, и он вновь стал холостяком. Вскоре после революции и гражданской войны композитор, живший в голодной и холодной Москве, но уже получавший небольшие гонорары за свои произведения, чтобы прокормить семью своего женатого друга Георгия Магелланова, потерявшего работу, с согласия последнего переехал в его квартиру. Так началась их «жизнь втроем», вернее вчетвером, так как у Магеллановых подрастала дочка.

Здесь нужно сказать несколько слов об очень необычном человеке, Георгии Магелланове. До октябрьского переворота он был известным юристом и адвокатом, прославившимся на защите многих борцов против монархии, в том числе и с террористическим наклонностями, арестованных третьим отделением жандармерии. Его отец происходил из рода грузинских князей, носивших фамилию Магелладзе. Дед Георгия, Иосиф Магелладзе, как я уже писал в одной из своих книг, переехал в Россию еще в шестидесятых годах XIX века и входил в свиту грузинской царевны Елены Симеоновны. Он получил из рук Александра II русское дворянство и русское же окончание фамилии. Отец Георгия умер, когда ему было всего 8 месяцев, и он остался на руках у своей матери. Тем не менее, окончив классическую гимназию, он поступил на юридический факультет московского университета и его дипломная работа была удостоена золотой медали. Георгий Магелланов был широко образованным человеком и, помимо своей основной специальности, увлекался искусством, дружил со многими художниками и был завзятым театралом. Еще в 1902 году, став членом литературно-художественного кружка, в который входили известные артисты, писатели и художники, он поставил серию спектаклей «Истории русского театра», музыку к которым написал композитор Павленко, его приятель со студенческих времен. Тогда и началась дружба этих феноменально талантливых людей.

Еще в свои молодые годы за несколько лет до первой Мировой войны Георгий женился на удивительной женщине Татьяне Александровне Шапошниковой, бывшей на несколько лет старше него. Татьяна была племянницей жены графа Румянцева и в молодости служила фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Позже она вышла замуж за престарелого графа Протасова, стала графиней, а когда ее муж умер, вышла замуж за молодого и подающего большие надежды адвоката Георгия Магелланова и родила ему дочку Олечку. Перед первой Мировой войной Магелланов вместе с женой, дочерью и своим другом Павленко несколько раз ездил за границу и побывал во многих европейских городах, где он познакомился с западным искусством.

Революция и гражданская война принесли серьезные испытания семье Магелланова. Будучи востребованным при царском режиме, большевикам Георгий не понадобился и остался без работы. Некоторое время его семья жила на деньги, полученные от продажи драгоценностей Татьяны Александровны, но вскоре они закончились и с середины двадцатых годов Магелланов с семьей практически голодали. Приспособиться к новым, непривычным для него условиям жизни Георгий так и не смог. Он часами сидел молча у себя в кабинете и, по словам его внучки, «смотрел на закатное небо». К тому же он стал слишком много выпивать и алкоголь постепенно разрушал его. Какое-то время в самые тяжелые голодные годы Павленко и Магелланов с супругой и дочерью уехали в Сергиев Посад, где жили в очень непростых условиях, и как только закончилась гражданская война, вернулись в Москву к себе на Арбат. В это время началось уплотнение квартир и, чтобы в большую квартиру Магеллановых не подселили чужих людей, композитор Павленко переехал к ним, заняв сразу две комнаты. В одной он спал, а в другой поместился его рояль, на котором он сочинял музыку.

Дружеские отношения с Татьяной Александровной и проживание с ней в одной квартире переросли у композитора Павленко в сильную любовь и фактически он стал вторым мужем жены своего друга. Вскоре их тайно обвенчал в одной из местных церквей знакомый священник. Магелланов к этому отнесся совершенно спокойно. Весной 1933 года Георгия Магелланова арестовали. Татьяна Александровна написала письмо в прокуратуру, в котором рассказала про левые взгляды Магелланова, его роль в защите борцов против царского режима и его поведение во время вооруженного восстания рабочих Москвы, когда Георгий самовольно открыл ворота во двор своего дома, чтобы революционеры могли укрыться от наступающих царских войск. Подписала она это письмо: «жена Заслуженного деятеля искусств Татьяна Павленко». И, как ни удивительно, Магелланова освободили.

Когда началась Отечественная война, осенью 1941 года Павленко увез всю семью в Ташкент, где работал один из его любимых учеников. Магелланов уезжать из Москвы отказался и, оставшись в квартире в одиночестве, три последних военных года, когда вновь открылись высшие учебные заведения, читал лекции по юриспруденции и истории искусств на юридическом факультете Московского университета и в городском педагогическом институте. После войны летом он изредка приезжал на дачу Павленко, но надолго там не оставался, ссылаясь на необходимость кормить попугая, своего давнего приятеля. Поэтому проклятие бывшей владелицы дачи Канунникова непосредственно его не коснулось. Георгий Магелланов скончался от инфаркта миокарда в преклонном возрасте.

Как пишет в своих воспоминаниях внучка композитора, для Павленко «...сильная любовь к Татьяне Александровне оказалась... спасительной, он словно обрел в своей творческой и эмоциональной жизни твердую опору, путеводную нить. Бабушка благотворно действовала на его психику, умела найти подход в моменты душевных срывов, сочетала строгость справедливого судьи с восхищением поклонницы». И сам композитор, и его супруга полюбили свою новую дачу. Там Павленко писалось легко и шумный, безалаберный Магелланов не мешал ему работать, как это было в их московской квартире. Татьяна Александровна чувствовала себя на даче полной хозяйкой и с удовольствием прореживала слишком заросший участок, сажала цветы и ухаживала за ними. Часто, забыв свой графский титул, она надевала рабочую одежду и с метлой в руках подметала дорожки. Напротив их дома, через дорогу, жили ее старые знакомые – Сретенские и она часто бывала в их доме, где ее больше всего привлекала супруга владельца дачи, тоже «из бывших». Но больше всего радовалась приобретенной даче подрастающая дочь Татьяны Александровны – Ольга. Велосипедные путешествия по красивым местам, дикие леса с обилием грибов и ягод, купание в реке доставляли девушке массу удовольствий.

Глава 3. Ольга Георгиевна Магелланова

Ольга Георгиевна Магелланова, по словам ее дочери, была «самым светлым, легким и здоровым человеком в их семье». В двадцатые годы она училась на историко-филологическом факультете Московского университета, одновременно работая научным сотрудником в отделе по делам музеев и охраны памятников искусства. Однажды, во время проводившейся в Московском кремле изъятия церковных ценностей, она вступила в опасный конфликт с работниками ОГПУ, проводившими экспроприацию, и вынуждена была уйти с работы, а потом и из университета. Еще будучи студенткой, она близко познакомилась с сыном знаменитого историка церкви Ф.Н. Карпова, Петром Федоровичем. В первые годы советской власти он активно работал в созданной в 1918 году Комиссии по охране памятников искусства Троице-Сергиевой Лавры. Членами этой комиссии вместе с местными специалистами были знаменитые историки, искусствоведы и реставраторы П.А. Флоренский, Ю.А. Олсуфьев и другие. Петр Федорович Карпов жил в родительском доме в Сергиевом Посаде, где в те же годы переживали смутное время композитор Павленко и Магелланов с семьей. Несколько позже, в университете Петр Федорович вновь встретился со студенткой Ольгой Георгиевной Магеллановой, которую он знал еще девочкой. Он был на 12 лет старше нее, но это не помешало им полюбить друг друга и вступить в брак. Вскоре у них родилась дочка Наташа. Но жизнь молодой семьи была разрушена самым жестоким образом. В день Наташиных именин 8 сентября 1935 года к ним в квартиру пришли с обыском и арестовали Петра Федоровича. Он был обвинен в участии в контрреволюционной националистической организации «Партия Возрождения России (ПВР)». Вместе с ним по этому же делу обвинялись крупные ученые С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, П.А.Флоренский и многие другие. Петра Федоровича приговорили к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Все эти годы Петр Федорович провел в Бамлаге, расположенном в городе «Свободный» (!) Амурской области, где вместе с П.А. Флоренским трудился на мерзлотной станции, изучая возможность строительства в районах вечной мерзлоты. Эта проблема настолько заинтересовала его, что он изменил своей бывшей специальности искусствоведа и стал заниматься геологией и географией.

Ольга Георгиевна, оставшись вдвоем с дочкой Наташей, учившейся в школе, устроилась на работу библиотекарем в институт нейрохирургии, директором которого был Н.Н.Бурденко. Эта работа давала ей небольшой, но постоянный заработок, который позволял Ольге Георгиевне и ее дочери жить более или менее независимо. В институте Ольгу полюбили и она подружилась с семьей нейрохирурга Бориса Григорьевича Егорова, который не один год по рекомендации Ольги Георгиевны проводил летние месяцы на одной из проклятых дач, построенных покойным Канунниковым. Что из этого вышло, я опишу ниже.

В предвоенные годы Ольга Георгиевна познакомилась с нейрохирургом А.А.Арендтом, потомком лейб-медика Арендта, который находился у постели умирающего А.С.Пушкина. Благодаря этой дружбе, Ольга Георгиевна приобрела новых знакомых, а среди них – бывшего князя Владимира Николаевича Долгорукого, семье которого до революции принадлежали многочисленные дворцы в Москве и имения по всей России. Он был ранен и контужен на фронтах первой Мировой войны и поэтому хромал и плохо слышал. В страшном 1935 году его арестовали, но по прошествии трех лет лагерей выпустили в связи с неизлечимым остеомиелитом раненой ноги, запретив жить ближе 100 километров от Москвы.

Дочь Ольги Георгиевны описывает Владимира Николаевича как прирожденного аристократа, «подтянутого, ухоженного, сдержанного и мягкого в манерах, в меру ироничного и очень остроумного, способного очаровать любое общество... В жизни Долгорукого важную роль играли женщины, которые увлекались им». Увлеклась им и Ольга Георгиевна. Князь тоже влюбился в молодую и умную женщину. Вскоре Долгорукий, несмотря на прохладное

отношение к нему Татьяны Александровны, на правах гражданского мужа Ольги Георгиевны вошел в семью Павленко. Он постоянно жил инкогнито у него на даче в маленьком доме, зарабатывая деньги рассказами для детей под псевдонимом «Владимиров» и переводами с французского.

У Ольги Георгиевны стала налаживаться семейная жизнь, но в это время началась Отечественная война 1941-45 гг и, как я уже писал выше, семья Павленко эвакуировалась в Ташкент. Владимир Николаевич уехал вместе с ними. Но уже по дороге у него начали случаться нервные срывы. В Ташкенте, благодаря помощи Павленко, он устроился на работу в секретариат союза композиторов, но проработал там недолго и вскоре неожиданно уехал в Москву. Там он стал бывать в квартире Павленко, встречаясь с Магеллановым и каждый раз принося с собой бутылку водки, которую они распивали вместе. Но основную часть времени он проводил на пустующей даче Павленко, где по его словам, ему очень хорошо работалось. Однако, когда Ольга Георгиевна вернулась из эвакуации домой, она нашла своего любовника совсем другим человеком – циничным, невыносимым. С композитором, проживая на его даче, он держался вызывающе нагло. Судя по всему, в жизни Владимира Николаевича появилась другая женщина. Вскоре он исчез с горизонта Ольги Георгиевны. Все говорят, что его снова арестовали по доносу о нарушении закона о проживании не ближе ста километров от столицы. **Он явился очередной жертвой проклятия, покойной супруги Канунникова.** Из тюрьмы он больше не вышел. Он запомнился соседям-дачникам черноволосым стройным мужчиной среднего роста, хромящим на одну ногу, с громким голосом плохо слышавшего человека, в неизменном белом костюме и с толстой полированной тростью в руках. Все дети иначе, как «князь», его не называли.

Освобожденный в 1936 году П.Ф.Карпов приехал в Москву, где на заседании Академии наук СССР выступил с хорошо принятым академиком докладом о результатах своих исследований по вечной мерзлоте. Но главным препятствием к устройству будущей жизни Карпова была не снятая с него судимость, из-за которой он не мог жить в Москве. К этому времени отношения между супругами Карповым и Магеллановой значительно охладились и их брак распался.

Карпов уехал в Томск. Там в 1944 году по совокупности трудов он защитил диссертацию на звание кандидата биологических наук. В Томске Карпов среди эвакуированных встретил свою дальнюю родственницу Наталью Петровну Захарченко, вдову и мать взрослых детей. Их поздний брак оказал самое положительное влияние на Петра Федоровича. Там же в Томске он защитил диссертацию на звание доктора географических наук и получил звание профессора. Но на работу он смог устроиться только на кафедру географии в Ивановский педагогический институт. Наконец, благодаря хлопотам многих членов Академии наук, среди которых был и президент Академии С.И.Вавилов, в марте 1953 года судимость с профессора Карпова была снята и он смог вернуться в Москву, откуда неоднократно приезжал на дачу в Дюньково к бывшей жене и дочке и проживал там целыми неделями. **После этих визитов на проклятую дачу, а может быть в результате них, Петр Федорович умер от скоротечного рака легких в июне 1955 года.**

Проклятая дача не отпускала и своих хозяев. Еще во время предпоследнего года войны, вернувшись из Средней Азии, внезапно **от тяжелого инсульта умерла хозяйка дачи Татьяна Александровна. Она была еще не старой, и ее преждевременную смерть также можно связать с полузабытым проклятием.** После смерти супруги композитор потерял стержень жизни. Ни он сам, ни его родственники не представляли, как они будут жить дальше. Но Павленко решил дальнейшую судьбу своих детей своеобразным способом. Чтобы обеспечить Ольге Георгиевне безбедную и спокойную старость, он предложил ей после смерти Карпова заключить с ним брак и получить не только его безупречную и знаменитую фамилию, но и право на гонорары от его произведений, а также стать владелицей

его дачи. Он резко «сдал» после смерти любимой жены и, будучи еще не старым человеком, вскоре после этого юридического акта *отправился вслед за своей бывшей супругой, став очередной жертвой своей дачи* и освободив Ольгу Георгиевну от тяжелой процедуры вступления в наследство.

Повзрослевшая дочка Ольги Георгиевны Магеллановой-Павленко и Петра Федоровича Карпова Наташа с возрастом превратилась в умную и очень милостивую молодую женщину. Со временем она стала известным искусствоведом, действительным членом Академии художеств. После войны она вышла замуж за сына известной оперной певицы Татьяны Казановской, архитектора и большого любителя автомобилей, Константина Андреевича, человека высокого роста, несколько полноватого и очень доброго. Костя и Наташа еще при жизни Ольги Георгиевны стали жить на даче отдельно в двухэтажном доме, построенном для них перед самой войной. Позже этот дом продали племяннику поэта Сельвинского, Николаю. Он дружил с Наташей и Костей, а также с детьми профессора Сретенского. Они все вместе несколько раз ездили на машинах в Крым и путешествовали по Подмоскovie.

Несмотря на то, что Наташа стала солидной замужней женщиной и родила дочку Таню, названную в честь прабабушки, ее дочерние отношения с Ольгой Георгиевной не только не ослабли, но даже стали значительно сильнее. «Ни с кем мне не было так весело, как с мамой», вспоминает Наташа. Когда не стало Татьяны Александровны, их «...отношения с мамой приобрели редкую душевную близость. Больше всего я боялась ее потерять. И вот наступил этот страшный день». В 1960 году Ольга Георгиевна, бывшая довольно грузной, но одновременно удивительно подвижной женщиной, возвращаясь из гостей, упала и сломала себе шейку бедра. В те времена, вопрос об искусственном суставе не стоял перед хирургами. Кроме того, больная страдала тяжелой гипертонией и диабетом. Ее выписали из больницы на костылях. Наступила гангрена ноги. *После нескольких месяцев мучительных болей она скончалась в марте 1963 года, не дожив двух месяцев до 60 лет. Длительная жизнь на проклятой даче привела ее, наконец, к печальному концу.*

Ольга Георгиевна осталась в памяти всех, кто ее знал как великолепная рассказчица и человек с удивительным чувством юмора. Приходя в гости к Сретенским, она рассказывала бесчисленные анекдоты и смешные истории, в некоторых из которых играла главную роль. При этом она смеялась залихватским смехом сама над собой больше всех. Ольга Георгиевна любила людей, любила путешествовать, сначала с дочкой на велосипедах, потом с дачными соседями на автомобилях и пароходах по Волге и Каме. Вместе со своими друзьями она объехала все наиболее интересные места, куда в нашей стране можно было проехать на машине и по воде. После ее смерти дача Павленко опустела.

Когда не стало Ольги Георгиевны, ее дочь и внучка перестали ездить на проклятую дачу и вскоре решили ее продать. Они подозревали, что *ранняя смерть их матери и бабушки, несчастья их отца и деда, арестованного и проведенного в исправительно-трудовом лагере и на поселении в чужом городе почти десять лет и умершего еще не старым от злокачественной опухоли, а также преждевременная кончина композитора Павленко связаны с проклятием повесившейся сто лет тому назад первой хозяйки их дома.* В наследство от матери Константину Андреевичу досталась дача на Рублевском шоссе в поселке артистов в тридцати километрах от их старого дома. Туда они и переехали вместе с дочкой Таней и ее молодым мужем, бывшим теннисистом Сашей. Вскоре у молодых родилась дочка Евгения. Она быстро выросла, вышла замуж и родила дочку, которую в честь ее прабабушки назвали Ольгой.

Часть II. Профессора Сретенский и Подзинский

Глава 1. Начало дачной жизни

В 1906 году новый дом Канунникова купил молодой физик из Москвы Николай Сретенский, который был атеистом и не верил в старые проклятия. Рядом с ним в большом доме, построенном купцом на продажу, поселился его приятель математик Андрей Подзинский, работавший с ним вместе в Императорском Московском университете. Он тоже смеялся над старыми вымыслами о проклятии, наложенном на его прекрасный дом. К этому времени у Сретенских было трое детей разного возраста: дочь и двое сыновей. Позже, перед самой революцией, у них родилась еще одна дочь. У Подзинских к началу первой Мировой войны уже подрастали два сына, шестнадцати и девятнадцати лет. Старший из них страстно влюбился в шестнадцатилетнюю дочь Сретенских, очень красивую и рано созревшую девушку, которая отвечала ему взаимностью. Молодые люди обручились в мае 1914 года, а спустя три месяца Россия, выполняя свой союзнический долг, вступила в войну с немцами, нападшими на братскую православную Сербию. Старший сын Подзинского вскоре был мобилизован в армию. Провожая своего жениха на фронт осенью 1914 года, его невеста поклялась ждать возвращения своего любимого, сколько бы ни продолжалась война с немцами...

Но давайте вновь вернемся в счастливые довоенные годы. Вскоре рядом с домом Сретенских построили каретный сарай с конюшней и сеновалом на чердаке, где стояли дрожки и лошадь, а позже к нему была пристроена мастерская. На своем участке среди молодых берез Николай Сретенский сделал настоящий теннисный корт, обнесенный плетеной сеткой. Этот корт некогда считался одной из первых теннисных площадок в Подмосковье. В предвоенные и дореволюционные годы сюда приходило множество игроков разного возраста и различной подготовки из числа гостей и соседей хозяев дома. Оба ученых очень любили свои дачи и проводили в них все летние месяцы и праздничные дни. Семейства Сретенских и Подзинских были на редкость гостеприимными и на их дачах постоянно бывали гости. В хорошую погоду для них накрывали столы в саду, в дождливую – на террасах.

У Сретенских постоянно жил старший брат физика, известный филолог, специалист по древнерусской литературе, закоренелый холостяк Михаил, и часто проводил летние месяцы, приезжая из Одессы, родной брат жены профессора Петр Сергеевич Воталиф, в те годы уже подающий большие надежды офтальмолог, вскоре ставший мировой знаменитостью. Чем занимались? Ну, прежде всего, играли в теннис. Сам Сретенский, быстро научившись этой прекрасной игре, отбивал мячи сильно и точно. Его старшая дочь обычно играла в паре со своим женихом и играла неплохо. Если позволяла погода, купались в реке, которая напротив дачи была хоть и не очень глубокой, но с быстрым течением и великолепными песчаными пляжами.

Кроме тенниса и купания ходили гулять по живописным холмам и долинам Клинско-Дмитровской гряды, продолжающейся до самого Звенигорода. Наибольшей популярностью пользовались прогулки по высокому правому берегу Москвы-реки. Очень любили ходить за грибами. Их в окрестных лесах было видимо-невидимо. В некоторые годы грибов собирали так много, что для возвращения домой нанимали в деревне подводу, чтобы вести тяжелые корзины. Часто большими компаниями плавали на лодках вниз по течению реки, вплоть до Николиной горы, располагавшейся километрах в двадцати от дачного поселка, где жили ученые. Там у них было много знакомых, снимавших дачи в этом прелестном уголке Подмосковья. Нередко ездили на экскурсии в Звенигород – город-крепость, сохранивший свои стены, башни и церкви. И особенно часто совершали пешие или велосипедные про-

гулки в Саввино-Сторожевский монастырь, расположенный на горе Сторожи у места впадения реки Сторожки в Москву-реку. Иногда все вместе ходили в поместья Поречье и Введенское.

Дом в усадьбе Поречье был построен в середине XVIII века чаепромышленниками Поповыми. Он представлял собой длинное двухэтажное строение, своим передним фасадом с рядом колонн под треугольным портиком обращенное к обрывистому берегу реки. Как пишет в своем феноменальном труде «Венок усадьбам» знаменитый искусствовед и бывший председатель общества изучения русской усадьбы А.Н.Греч, «Поречье как-то видно отовсюду „и с колокольни Саввина монастыря, и с Городка, и с шоссе на Вяземы... Дом...кажется нарядным издали; верно потому, что белой лентой красиво оттеняет он крутой берег реки, где в лес давно превратился в уже одичавший парк». В этом парке дачники устраивали маскарады и играли в прятки. В усадьбе часто сменялись хозяева и Греч предсказывал, что «недолго простоит этот белый барский дом». Забегая вперед, следует сказать, что здесь Греч ошибся. При советской власти Поречье перешло во владение Академии Наук СССР, затем московского Дома ученых. Главный дом был отреставрирован и сохраняется до настоящего времени.

Другим местом паломничества Сретенских и их гостей было имение Введенское. Оно, как и Поречье, находилось в нескольких километрах от дачного поселка по направлению к станции железной дороги. Главный дом имения был построен в XVIII веке отцом фаворитки Павла I князем П.В.Лопухиным. В нем бывали П.И.Чайковский, А.П.Чехов и многие художники: В.Э.Борисов-Мусатов, И.И.Левитан, М.В.Якунчикова и др. Старый дом был деревянным. В 1912 году его сломали за ветхостью, и, по словам А.Н.Греча, «...на его месте последний владелец Введенского, граф Гудович возвел почти такой же – каменный...». А.В.Гудович получил Введенское в качестве приданого своей невесты, дочери графа С.Д.Шереметьева Марии Сергеевны. Вот как описывает главный дом усадьбы автор книги «Венок усадьбам»: «На двор выходит фасад с лоджией; перед ней терраса, образуемая полукругом колонн. Две низкие галерейки приводят к флигелям. В плане они образуют букву Г... На обрыв выходит другой фасад дворца во Введенском – с величавым шестиколонным портиком коринфских колонн. С двух сторон ведут к нему отлогие пандусы, слегка закругленные, со статуями на постаментах. Торжественным архитектурным аккордом кажется этот фасад... По крутому откосу, обрамленному деревьями парка, спадает затененная просека. Стены и колонны дома, полускрытые пригорком, в прозрачных розовых отсветах последних догорающих солнечных лучей. Ярко пламенеют в еще светлом небе облака. Огнями блещут стекла в окнах, точно в доме праздник или, может быть, пожар? И, стоя внизу перед этой картиной, вдруг вспоминаются холсты Борисова-Мусатова. Ведь именно этот дом во Введенском излюбленным мотивом проходит в его живописных образах. Из окна второго этажа обратный вид – зеленые кроны деревьев, блеснувшая отраженным световым облаком заводь старого русла реки, лес в туманной серой дымке, горящие золоченые купола и белеющие башни Саввина монастыря, а в небе уходящие дождевые тучи.» Таким могли видеть этот дом и наши дачники, посещавшие усадьбу до октябрьского переворота.

Перелистаем пару десятков лет вперед и расскажем о дальнейшей судьбе этого великолепного имения и его хозяина. Придя к власти, большевики расстреляли графа Гудовича, а в его имении разместили Звенигородское художественно-ремесленное училище – колонию для малолетних преступников и беспризорных. В 1920 году во Введенском открыли Звенигородский историко-художественный музей имени тов. Н.И.Троцкой (второй жены Льва Троцкого), куда были свезены картины, мебель и предметы быта из соседних усадеб. Но его скоро закрыли, а экспонаты переправили в Звенигород. В тридцатых годах в здании была размещена совпартшкола. В парк врезалась железнодорожная ветка, а рядом со старой приусадебной церковью построили станцию. Позже в главном дворце был устроен правитель-

ственный дом отдыха, а в настоящее время там находится санаторий «Звенигород», принадлежащий московской мэрии.

Но пора снова вернуться в дореволюционные годы. Многочисленных гостей Сретенских надо было кормить. В их доме было две кухни: одна летняя в цокольном этаже (полуподвале), другая поменьше, зимняя, на первом этаже дома. Всегда держали кухарку: хозяйка дачи готовить не умела и не любила. Зато она прекрасно умела занять гостей разговорами за столом, во главе которого она сидела и разливала чай из самовара. Она очень строго следила за детьми, чтобы те не опирались локтями о стол, не тянулись за солонкой или сахарницей, не болтали ногами под столом и громко не разговаривали во время еды. Рассказывали такой эпизод. Старший сын Сретенских, пятнадцатилетний юноша с хорошим чувством юмора, сидя за столом, полным гостей, положил левую руку себе на колени. Хозяйка сразу же заметила это нарушение этикета и возмущенно спросила сына: «Гриша, где рука?» Сын, находившийся в веселом настроении, ответил в рифму: «Ищет потроха». Последовал жесткий приказ: «Пошел вон из-за стола». Грише ничего не оставалось делать, как молча удалиться и потом просить у матери прощения.

Чтобы прокормить всю ораву детей и гостей, Сретенские завели большой огород, где выращивали картофель и овощи. Картофельное поле на соседнем заливном лугу обрабатывали с помощью лошади, которую брали в наем в ближайшей деревне. Потом завели свою, прозванную «Белочкой». Почти с самого начала дачной жизни у Сретенских жил дворник Осип Феокистович, контуженный в первую Мировую (у него был перекошен рот). Он прожил у Сретенских без малого 40 лет, ухаживал за садом и огородом, а зимой топил печи и расчищал снег. Это был ворчливый, но очень добрый и верный человек. Забегая вперед, скажу, что именно он спас дачу Сретенских от разграбления и гибели и во время первых лет советской власти, и в период Отечественной войны, когда на даче стоял батальон Красной армии, защищавший подступы к Москве.

Глава 2. Первая Мировая война. Гибель сына Подзинских

Со временем и физик, и его друг математик по совокупности научных исследований стали профессорами и даже были избраны в члены-корреспонденты Императорской Академии Наук. Но судьба недолго благоволила к семье профессора Подзинского. Летом 1914 года началась первая Мировая война, осложнившая жизнь многих россиян. К великому горю родителей, всех его друзей и, особенно, его невесты *старший сын профессора Подзинского погиб в Галиции во время «Брусиловского прорыва»*. Он стал первой жертвой своего проклятого дома. Семья профессора Сретенского не пострадала в годы военного лихолетья, так как сыновья его были еще маленькими, а сам он, как занимавшийся оборонной тематикой еще со времен русско-японской войны, получил освобождение от военной службы. Все время он проводил в своей лаборатории, усовершенствуя мины, на которых подрывались вражеские военные корабли, за что получил от Императора орден святого Владимира с мечами.

Глава 3. Большевистский переворот. Пожар дачи Подзинских

В 1917 году большевистский переворот резко изменил жизнь семей Сретенских и Подзинских. Лаборатории, где работали оба профессора, были закрыты, и они остались без работы, а их семьи – без пропитания. Дачу у Сретенских отобрали под детский сад и школу для крестьянских детей. Может быть, это и спасло их дом. Судьба дома Подзинских оказалась более трагичной: *в первый год революции он сгорел*. После страшного пожара, виной которого были местные крестьяне, считавшие всех дачников барами, *профессор Подзинский скончался от инфаркта миокарда, став еще одной жертвой своего проклятого дома* и оставив вдовой свою жену и сиротой своего подрастающего сына.

В 1918 году профессор Сретенский увез всю свою семью и семью своего друга Подзинского из голодной и холодной Москвы на юг, в Одессу, где жил родной брат его супруги, ставший известным врачом – офтальмологом. Там было теплее, хотя продукты тоже были в дефиците. Но в Одессе был большой рынок, т. н. «привоз», где всегда можно было купить рыбу, которую продавали местные рыбаки, и необходимые продукты, привозимые контрабандистами из Турции. Одесса, как известно, несколько раз переходила из рук белых к красным и наоборот. Во время одного из «красных» периодов старший сын Сретенских, юноша шестнадцати лет, гимназист выпускного класса, *попал в большевистскую облаву и был расстрелян за то, что отказался снять свою гимназическую шинель и форменную фуражку. Это была первая трагедия в жизни хозяев проклятой Дачи*. В том же году их старшая дочь, двадцатилетняя красавица, уплыв с контрабандистами в Константинополь за продуктами, потеряла свои документы и деньги и наверняка пропала бы, если бы случайно не встретила на улице молодого офицера из британского военного корпуса. Молодой человек с первого взгляда влюбился в красивую девушку. Он происходил из шотландского аристократического рода. Поэтому, свободно говоря по-французски с детства и опасаясь признать себя беженкой из «совдепии», она представилась ему француженкой. Офицер в трюме военного британского корабля вывез ее в Англию, где и женился на ней. Вскоре у них родился первый сын, а через два года – второй. Родители долго оплакивали любимую дочь, будучи уверенными, что она погибла. И только через пять лет, когда профессор с двумя младшими детьми вернулся в Москву и был назначен заместителем директора физического института АН СССР, дочь решила написать родителям письмо, а вскоре приехала с обоими детьми к ним в гости. По ходатайству президента Академии Наук физика С.И.Вавилова (родного брата арестованного НКВД и погибшего в заключении знаменитого биолога Н.И.Вавилова) удивительно уцелевшая дача Сретенских была возвращена их владельцам, хотя от части участка они вынуждены были отказаться. К этому времени профессор за свои изобретения был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Поэтому за связь с дочерью за границей его не трогали, так как он был нужен руководству страны и партии.

Глава 4. Хорошо было жить на даче в мирное время

И снова началась дачная жизнь, правда значительно более скудная, чем до революции. Супруга профессора Сретенского сначала увлекавшаяся цветоводством, была вынуждена переключить главное внимание на огород. Свои картошка, капуста и овощи облегчали жизнь семьи. К этому времени маленький поселок, в котором Канунников построил свои проклятые дачи, превратился в популярное место отдыха московской интеллигенции. Обитатели дачи Сретенских подружились со многими из своих новых соседей. Рядом со Сретенскими в огромной и тоже очень старой даче, купленной у Канунникова задолго до революции французским промышленником, хозяином недалеко расположенной небольшой ткацкой фабрики, устроилась многодетная семья, в которой у старых родителей были три взрослые дочери и сын. Одна из дочерей, Мария, вышла замуж за брата погибшего сына Подзинского, а ее сестра Елена нашла себе в мужа крупного советского чиновника Григорьева, но о них речь пойдет ниже.

В тридцатые годы семья профессора увеличилась. Сын Сретенского, получив инженерное образование, женился на очаровательной девушке и сильной теннисистке Ирине, дочери известного в Москве хирурга Семеновского. Вскоре у них родилась дочка Маша. Младшая дочь профессора, студентка института иностранных языков Татьяна, в 1935 году вышла замуж за красивого высокого юношу, потомка знаменитого на весь мир ювелира, молодого и талантливого архитектора и художника Алексея, который к тому же был разносторонним спортсменом, больше всего увлекавшимся слаломом и скоростным спуском на лыжах. В 1937 году у них родился сын Андрюша. Всю жизнь Таня прожила на даче своего отца. С детства она великолепно играла в теннис, а после замужества научилась неплохо кататься на горных лыжах, занимая вместе со своим мужем призовые места на соревнованиях, проводимых на Кавказе и в Москве на Воробьевых горах, переименованных при советской власти в Ленинские..

Глава 5. Несчастье в семье Сретенских

Неожиданно в семье профессора Сретенского случилось большое несчастье, тоже, возможно, связанное со старым проклятием. Весной 1934 года по подозрению в антисоветской деятельности был арестован его старший брат-филолог Михаил. Он был обвинен по делу о «Российской Национальной Партии (РНП)», в которое были включены многие известные филологи-славяноведы и искусствоведы. Михаил Сретенский окончил словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета и всю жизнь занимался древнерусским языком и литературой. В 1895 году он защитил магистерскую диссертацию на тему «Славянские апокрифические евангелия». Спустя четыре года в Киеве защитил докторскую диссертацию «Из истории отреченных книг» и получил звание профессора. В 1906 году Михаил перевелся в г. Москву на должность профессора филологического факультета Московского университета, которую занимал до начала двадцатых годов. Здесь, помимо лекций и семинаров со студентами, ему удалось собрать большой архив по истории филологии – науке о языке и письменности. За свою жизнь он заполнил несколько тысяч карточек для древнерусского словаря, изучал славянские евангельские тексты, русскую тайнопись, работал над литературными памятниками Московской Руси и был членом комиссии по изданию памятников русской письменности, участвовал в составлении Энциклопедического словаря братьев Гранат. После работы в Московском университете ученый перешел в Исторический музей, где около 10 лет возглавлял отдел рукописей.

Уже к началу XX века старший Сретенский стал крупнейшим и известнейшим знатоком в области филологии. Увлеченно занимаясь историей русского языка на протяжении почти полувека, он написал более 200 научных работ и книг, вошедших в золотой фонд российской науки. Широкую известность получили его книга «Русская устная словесность» и университетский курс «История древней русской литературы», выдержавший три издания. В мае 1921 года его избрали в действительные члены Академии Наук СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.